

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

Вступление человечества в новое столетие ознаменовалось началом его перехода в новую инновационную фазу развития, которая основывается на экономике знаний. Знания становятся определяющим ресурсом современного развития, а индивиды, обладающие знаниями и умеющие их генерировать — главным производящим фактором любой фирмы. Повышение эффективности использования знаний, с одной стороны, увеличивает требования к уровню и качеству образования, а с другой — значительно расширяется спрос на новые технологии, особенно инфокоммуникационные, которые широко начинают использоваться как в сфере образования, так и в сфере производства и сбыта товаров и услуг. Вместе с тем принято считать, что новые технологии могут способствовать развитию всего общества посредством разработки и реализации демократических процедур принятия решений, ведущих к повышению эффективности управления и непрерывному обучению членов общества в течение всей их сознательной жизни.

В общественных науках, прежде всего в экономической теории, в связи с этим появилось и бурно развивается новое направление исследований и новая дисциплина в образовании — экономика знаний. Разработкой данной отрасли знания занимаются ученые А.С. Гальчинский, В.М. Гецц, М.Г. Делягин, Г.В. Задорожный, В.Л. Иноземцев, Л.В. Лесков, В.П. Семиноженко и другие. Однако в центре внимания исследователей находятся общие методологические подходы к анализу экономики знаний, ее показатели, формы развития [1; 2; 3; 5; 7; 8]. Существуют различные точки зрения относительно места экономики знаний. Дебатируется вопрос, является ли общество знаний переходом от аграрного и затем индустриального общества к новой эре общественного развития либо это всего лишь следующий этап развития индустриального общества. Одни эксперты считают, что экономика знаний существенно отличается от экономики индустриального общества, когда накопление богатства было связано с материальными активами, ибо в современных условиях благосостояние в определяющей мере зависит от нематериальных активов — опыта, ноу-хау, знаний. По мнению других авторов, полагающих, что это всего лишь следующая фаза эпохи индустриального развития, благосостояние по-прежнему зависит от производственных процессов, а нематериальные активы повышают конкурен-

тоспособность. Однако, независимо от различия этих точек зрения, наиболее важным является то, что переход к обществу знаний, основанный на повышении инновационной активности, происходит в условиях глобализации экономики и соответственно сопровождается возрастанием угроз научно-технологической безопасности для каждой отдельно взятой страны, а особенно тех государств, которые проходят период рыночной трансформации, т. е. меняют природу всей социально-экономической системы. В частности, это касается и Украины.

Но анализ имеющейся литературы показывает, что меньше внимания уделяется раскрытию роли интеллектуальной собственности, хотя само знание представляется как важнейший объект последней. Целью статьи является раскрытие значения интеллектуальной собственности в формирующейся экономике знаний.

Быстро нарастающие тенденции глобализации вовлекают в свою орбиту все фирмы, народы и государства, навязывая необходимость участия в конкурентной гонке за обладание новейшими научными достижениями и технологиями, что требует концентрации огромных усилий и ресурсов на овладение и создание новых знаний. Знания становятся необходимыми не только для развитых, но и для развивающихся стран. Если первые в основном создают знания, то вторые должны их эффективно использовать, что крайне обостряет проблему доступа к электронным банкам знаний, облегчающим доступ и овладение новыми научно-техническими достижениями. В свете этого особое внимание, с одной стороны, начинает уделяться развитию человеческого капитала, созданию развитой инфраструктуры знаний, которая позволила бы использовать и способствовать еще большему развитию накопленного опыта и знаний в области производства и потребления. С другой стороны, эти проблемы самым тесным образом связаны с интеллектуальной собственностью, ее защитой и передачей прав на использование интеллектуальных продуктов.

Необходимо также принимать во внимание и тот существенный момент, что процесс становления общества знаний и формирования экономики знаний связан с проблемой научно-технологической безопасности страны, который, на наш взгляд, можно свести к двум аспектам. Во-первых, отставание в процессе овладения и создания новых ведет к проигрышу в конкурентной борьбе; во-вторых, безопасности государства существенный

ущерб наносит и так называемая «утечка мозгов», которая превращается в проблему подрыва национального интеллектуального потенциала, распыления национальной интеллектуальной собственности.

Экономика знаний, как показывает анализ публикаций, характеризуется тремя принципиальными особенностями. Первая сводится к дискретности знания как интеллектуального продукта. Она проявляется в том, что конкретное знание либо создано, либо нет, ибо не может быть знания наполовину или на одну треть: знание нельзя продавать по частям. В этой связи лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц пишет: «Как я могу продать знание? Я должен сказать вам по крайней мере что-то, что вы до этого не знали. А это означает, что я вам бесплатно отдал часть моей собственности. На практике рынок знаний и информации зависит критически от *репутации*, от повторных транзакций и от доверия».

Данное свойство знания вызывало большие сомнения в том, что рыночный механизм для знания, интеллектуальных продуктов будет столь же эффективным, как в случае с традиционными товарами. Публикация В.И. Данилова, Г.А. Кошевого, А.И. Соскова [9] показывает, что основные результаты, полученные для делимых продуктов, при достаточно общих и реалистичных условиях оказываются верными также и для дискретных продуктов типа знаний или крупных инвестиционных проектов.

Вторая особенность сводится к тому, что знания по своей природе подобны другим общественным (публичным) благам: будучи созданными, они в силу своей природы должны становиться доступными в принципе всем, без какой-либо дискриминации. Граница между частными и публичными (общественными) благами размыта вообще, а не только применительно к знаниям. Исторически доля общественных благ в ВВП постепенно растет (Закон Вагнера), хотя имеются попытки сделать традиционные публичные блага частными (например, частные тюрьмы в США). Общество знания по своей природе обеспечивает более равномерное распределение благ между своими членами. Однако так обстоит дело только в теории. На практике получение новых знаний, доступ к ним требует высоких затрат, так как знание в условиях рыночной экономики и конкуренции является частным продуктом и подлежит акту купли-продажи. Но в силу указанной специфики, знания все же пробивают себе дорогу как общественный продукт, хотя и не всегда легальным путем. К примеру, распространяется интеллектуальное пиратство (в Китае более 90% компьютерных программ — пиратские, в России и Украине — несколько меньше).

Третья особенность знания обуславливается его

природой как информационного продукта: информация после потребления не исчезает, как, например, обычный материальный продукт. Недаром Томас Джефферсон в 1813 г. написал: «Тот, кто получает мою идею, пользуется ею не обедняя меня, подобно тому, как получивший свет от моей лампы не погружает меня в темноту».

Вторая и третья особенности знания порождают в некотором смысле монопольное положение распространителей знаний в рыночной экономике. Объясняется это тем, что распространитель знания стремится продать максимальное количество «копий знания», так как каждая копия практически ничего не стоит (затраты на копирование чрезвычайно малы). Однако если назначить высокую цену, покупателей будет мало. При низкой цене покупателей будет много, но выручка может оказаться меньше, чем при высокой цене. Очевидно, распространитель знания стремится определить такую цену, при которой он мог бы получить максимальную прибыль, что порождает возникновение так называемых дискриминационных цен, т. е. таких, которые зависят от конкретного потребителя. Использование дискриминационных цен требует большего профессионализма, ибо дискриминацию надо уметь правильно вводить. Опыт рыночного предоставления интеллектуальных продуктов (прежде всего знаний и информации) через дискриминационные цены распространен в разных странах на рынке статистической информации и программных продуктов. Здесь следует вспомнить, что дискриминационные цены осуждались и даже законодательно запрещались (Акт Шермана в США) в традиционной экономике, поскольку именно они являются одним из главных методов получения сверхприбылей монополиями.

Продавец программ, стараясь получить максимальную прибыль, вынужден обеспечивать своей продукцией максимальное число пользователей. Система дискриминации по времени покупки, по юридическому статусу покупателя (коммерческая фирма, правительственная структура, университет, церковь), усложнение самого продукта (версии программы, система upgrade, подписка, пакетное обслуживание) в конечном счете приводят к максимальному удовлетворению потребностей в знаниях и информации. При этом решается еще и проблема качественного предоставления товара, т.е. искореняется экономическим методом деятельность по распространению пиратских копий. Но здесь нельзя не отметить того положительного момента со стороны общества (а не конкретного продавца), что значительная часть потребителей, особенно с небольшими доходами, предпочитают иметь менее качественные, но более дешевые копии. Сам же процесс нелегального бизнеса в сфере производ-

ства и распространения пиратских копий объективно приводит к более широкому распространению знаний и информации и тем самым к лучшему удовлетворению потребительского спроса. То есть уровень развития данного рынка находится пока на такой стадии, когда существование нелегального сектора является, по-видимому, позитивным.

Важным направлением развития и реализации интеллектуальной собственности является авторское право. Оно представляет собой чрезвычайно широкий и одновременно тонкий инструмент регулирования отношений собственности в сфере так называемых неосязаемых (intangible) благ, к которым относятся знания. Даже там, где знания публичны, т.е. могут быть использованы всеми без каких-либо условий и ограничений, авторское право играет существенную роль.

В современных условиях важное значение имеет так называемое неформальное авторское право, которое не регулируется национальным или международным законодательством. Но мировое научное сообщество, прежде всего Всемирная организация интеллектуальной собственности, пристально следит за тем, чтобы неформальное авторское право не нарушалось. Воровство научных результатов строго осуждается, в какой бы завуалированной и изощренной форме оно ни осуществлялось, оно подрывает репутацию, которая в международной научной среде ассоциируется с производственной мощностью фирмы, хотя реально является более сложным и многоаспектным понятием. Репутация получает рыночную оценку, в частности, в форме уровня заработной платы ученого, а также в форме спроса на труд ученого со стороны различного рода организаций. К примеру, в КНР принята государственная 5-летняя программа приглашения в лучшие китайские университеты 50 исследователей с мировыми именами с установлением каждому годового оклада в 120 тыс. долл. [4, с. 98].

В экономике знаний в нераздельном единстве функционируют три типа рынков: рынок знаний, рынок услуг и рынок труда. При этом наступление постиндустриального общества, как показал Д. Белл, а затем и другие исследователи, связано с развитием рынка услуг. Важнейшими категориями, характеризующими этот рынок, являются неотделимое знание (tacit knowledge), репутация, брэнд.

Категория неотделимого знания только начинает входить в научный оборот. Она фиксирует неотделимость исследовательской деятельности и преподавания, неотделимость знаний человека, организации, институтов, конструкторских бюро ВПК и т.д. С категорией неотделимого знания связана differentia

specific продукта интеллектуальной собственности. Объектом интеллектуальной собственности является продукт интеллектуальной деятельности, интеллектуального труда. Особенностью этого продукта в отличие от овеществленных продуктов труда, по мнению В.К. Хаустова, есть то, что продукт интеллектуального труда представляет идеальный образ любого явления природы и общественной, прежде всего экономической жизни. Именно как идеальный образ продукт интеллектуальной деятельности не имеет свойства отчуждения, в том числе от собственного создателя — он отображается в его мозге и принадлежит ему пока создатель живет или не утратит память. «продукт интеллектуальной собственности не отчуждается, а распространяется, т.е., оставаясь собственностью своего создателя, он становится предметом владения, использования и распоряжения других людей» [6, с. 39].

Рыночная оценка неотделимого знания в теории интеллектуального капитала организации должна учитывать человеческий капитал (компетентность, опыт, умение), структурный капитал (процессы, технологии, информационные системы, базы данных и т.д.), потребительский или пользовательский капитал (отношения с клиентами, брэнд, торговые марки). Неотделимое знание более соответствует нашему типу менталитета и культуры, а, следовательно, через него необходимо анализировать и пропагандировать проблемы интеллектуальной собственности. Это объясняется тем, что в нашей вековой хозяйственной практике исторически передавалась не собственность, а умение, формировались научные школы.

Чтобы Украина могла сделать свою экономику конкурентоспособной, предстоит перестроить отсталую систему управления в ключевых отраслях, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью. Например, машиностроение во всем мире претерпевает глубокие изменения, связанные прежде всего с ускорением обновления продукции и соответствующей перестройкой информационных систем, обеспечивающих управление этим процессом. Речь, прежде всего, идет о технологиях CALS и PLM (Continuous Acquisition and Life-Cycle Support и Product Life-Cycle Management), которые дают возможность кардинально сократить сроки создания и вывода на рынок новых изделий, а также значительно улучшить их логистику. Если машиностроительное предприятие не внедрило такого рода систему, оно не только неизбежно проигрывает по своим технико-экономическим показателям, но и оказывается неспособным разговаривать с передовыми предприятиями-смежниками на одном языке.

Современный рынок рабочей силы становится

все более интегрированным, что происходит в силу тенденций глобализации. Это относится и к рынку наиболее квалифицированной рабочей силы — ученым и специалистам. На современном рынке труда главным ресурсом становится человек как носитель знания. Особенности этого рынка можно пояснить на примере мирового рынка специалистов, получивших степень PhD в области общественных наук. Этот рынок организуется один раз в год (в первую неделю года) и приурочивается к ежегодной конференции ассоциаций в области общественных наук, на которой обычно присутствуют 4—5 тыс. участников. Рынок действует по четким и жестким правилам. Кроме своей обычной для рынков функции, данный рынок еще является чрезвычайно ценным источником информации о тенденциях в предложении и спросе на высококвалифицированную рабочую силу.

Для Украины в последнее десятилетие очень важна проблема «утечки мозгов», масштаб которой принято считать одним из индикаторов интеллектуального потенциала страны. В литературе господствует традиционная точка зрения, согласно которой «утечка мозгов» — явление отрицательное. Оно свидетельствует о том, что в стране ученые и специалисты не востребованы, им не обеспечиваются надлежащие условия для жизни и научного творчества. Но коль скоро их рыночная цена высока, то они получают хорошие позиции в других странах. При «утечке мозгов» наблюдается прямой подрыв интеллектуального потенциала государства. В этом состоит отрицательный момент национального развития.

Но, с другой стороны, ученый или специалист, работая в другой стране, продолжает производить знания как международное публичное благо, которое принадлежит всему миру, поскольку публикует свои достижения в международных журналах. Также имеются положительные побочные эффекты от переселения ученого из одной страны в другую. Если речь идет о временной работе, то эти эффекты лишь усиливаются. Ученый получает дополнительный стимул для работы, новые знания, которые трудно получить в родной стране. Он увеличивает свой социальный капитал, так как у него возникают новые связи, он участвует в деятельности новых неформальных коллективов, что характерно для современного способа ведения научной работы.

С этой точки зрения физическое перемещение ученого из одной страны в другую еще не означает его потери для страны, где он вырос как ученый, ибо научная деятельность приняла настолько интернациональный характер, что во многих случаях не так уж важно, где ученый физически находится. Хотя, конечно, знания, им произведенные и получившие рыноч-

ную оценку, записываются в результаты экономической деятельности страны пребывания.

В целом проблема «утечки мозгов» видится весьма противоречивой и неотрегулированной как с точки зрения национального, так и международного права. Для современной Украины становится весьма вопрос экономической компенсации за эмигрировавшего специалиста высокой квалификации. Почему в профессиональном спорте переход футболиста из одного клуба в другой сопровождается компенсационной выплатой порой астрономических сумм, а обретение ведущего ученого не имеет таких последствий для страны выезда? Видимо, если речь идет о рыночной глобальной экономике, то и в отношении «утечки мозгов» должен быть узаконен соответствующий механизм компенсаций. Сторонники выезда ученых исходят из того, что человек имеет право на выбор места проживания. Мотивы переезда могут быть самые разные: уровень оплаты труда, комфортность места проживания (климат, окружение, язык и др.), политический режим, семейные, личные мотивы. Но ведь существо проблемы находится намного глубже простой формальности: не безличное государство, а налогоплательщики (т.е. мы с вами) украинского общества, в котором человек стал специалистом, затратили на него немалые суммы. И наше общество вполне вправе ожидать отдачу от этих вложений. По экономической логике, логике рыночных отношений, которые лежат в основе глобализации современного мира, при переезде страна-реципиент должна заплатить компенсацию (или сам уезжающий специалист). К сожалению, этот вопрос даже всерьез не ставится ни на национальных, ни тем более на международных форумах. Украина не такая богатая страна, чтобы дарить более развитым странам высококвалифицированных специалистов.

При «утечке мозгов» возникают так называемые побочные эффекты, которые усложняют вопрос компенсации, ибо страна, отпустившая специалиста, получает выгоду от того, что появляются новые каналы связи, новые контакты, дополнительная информация, которые не могли быть получены без переезда специалиста в другую страну. Все эти побочные эффекты трудно поддаются экономической оценке, но в любом случае они существенно корректируют суммы компенсации, полученные прямым счетом.

Важнейшая проблема, осложняющая вопрос компенсации при миграции специалистов и ученых, связан с воровством интеллектуальной собственности. Некоторые американские специалисты, отстаивая право их государства на получение готовых исследователей, считают, что США ежегодно теряет десятки миллиардов долларов от различных видов воровства

интеллектуальной собственности: нелегального копирования и распространения компьютерных программ, использования торговых марок и т. п. При этом они рассматривают приток специалистов из других стран как своеобразную компенсацию за эти потери. Однако на самом деле это по сути разные вопросы, и их нельзя объединять.

Сами оценки потерь весьма спорны, поскольку в них не учитываются побочные эффекты. Кто больше приобретает — вопрос весьма неоднозначный. Так, распространение компьютерных программ приводит к насаждению определенных стандартов и в конечном счете к технологической зависимости, избавиться от которой чрезвычайно трудно. Пиратские копии Windows стали мировым стандартом для персональных компьютеров, и фирма Microsoft скорее выиграла, чем проиграла от такого способа распространения ее программ. Руководство фирмы это прекрасно понимает, о чем свидетельствует на первый взгляд весьма благородный жест Билла Гейтса, подарившего британскому правительству программное обеспечение для поддержки технологии так называемого «электронного правительства».

Тем не менее, на наш взгляд, экономические потери Украины от «утечки мозгов» весьма велики. Особенно это касается молодежи, которая подготовлена к высококвалифицированной работе, но еще не дала никакой отдачи своей стране, воспитавшей и выучившей ее. Например, украинские технические университеты во многих случаях превращаются в какой-то степени в поставщика высококвалифицированной рабочей силы для США, Германии и других развитых стран. США и Германия установили льготные правила въезда для категорий специалистов по программированию, физическим проблемам.

Как некую компенсацию за «утечку мозгов» частично можно рассматривать помощь различных западных фондов в области науки и образования. Но нельзя недоучитывать то, что такая помощь, как правило, весьма целенаправленна. Например, фонд Форда ставит целью поддержку распространения демократии и американского образа жизни, одним словом,

американских ценностей. Целенаправленность также проявляется и в том, что посредством такой помощи идет поиск и переманивание специалистов в самых разных формах.

В связи с этим, видимо, следует изучать опыт Белоруссии, которая пытается найти способы и юридические основания для того, чтобы получить компенсацию за подготовленную в стране высококвалифицированную рабочую силу, «утекшую» за рубеж, аналогично практике на рынке профессиональных футболистов.

Таким образом, формирование экономики знаний ставит перед экономической наукой новые задачи, связанные, прежде всего с углубленным исследованием отношений интеллектуальной собственности. Ждет своего решения проблема измерения знаний как общественного блага. Другой важной научной задачей становится анализ законов управления экономикой знаний, которые являются другими законами в сравнении с традиционной экономикой.

Литература

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. На пути к обществу, основанному на знаниях. — М.: Весь мир, 2004. — 160 с.
2. **Лесков Л.В.** Знание и власть. Синергетическая кратология. — М.: СИНТГ, 2001. — 100 с.
3. **Лесков Л.В.** Синергизм: философская парадигма XXI века. — М.: Экономика, 2006. — 637 с.
4. **Майбуров И., Стровский Л., Цзян Цзин.** Опыт образовательной реформы в КНР // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 6. — С. 90—99.
5. **Махлуп Ф.** Производство и распространение знаний в США. — М.: Прогресс, 1966. — 487 с.
6. **Хаустов В.К.** Особливий характер правовідносин у сфері інтелектуальної власності // Економічна теорія. — 2006. — № 3. — С. 39.
7. **Економіка** знань: виклики глобалізації та Україна. — К.: ХФ НІСД, 2004. — 261 с.
8. **Яковец Ю.В.** Эпохальные инновации XXI века. — М.: Экономика, 2004. — 444 с.
9. **Danilov V., Koshevoy G., Sotskov A.** Equilibrium analysis of economics with innovations // Journal of Math. Economics. — 1997. — Vol. 27. — P. 195—228.